

Глава 1

Самый убогий, заброшенный угол в трущобах Маньбэя.

На земле, свернувшись в клубок, лежал маленький мальчик. Обхватив голову худыми, костлявыми руками, он пытался защититься от ударов.

Его грязная школьная форма обтрепалась и зияла дырами. На исцарапанной, покрытой ссадинами коже живого места не осталось: свежие синяки перекрывали старые кровоподтеки.

Удары сыпались один за другим. Мальчик крепко стиснул зубы, до крови вонзая ногти в ладони, и лишь глухо застонал, не выдержав боли.

Было невыносимо больно.

Но он знал: кричать нельзя. Никто не придет на помощь, а любой звук лишь разозлит мучителя, и побои станут еще яростнее.

— Прячешься?! Ублюдок, я тебе покажу, как прятаться! Вставай!

Мужчина резко нагнулся и, схватив мальчика за предплечье, рывком вздернул его на ноги.

Не дав ему удержать равновесие, мужчина наотмашь влепил звонкую пощечину. В голове оглушительно зазвенело. Оцепенение длилось пару секунд, прежде чем щеку обожгло острой, нестерпимой болью.

— Тварь паршивая! Мать в могилу загнал, теперь из меня всю кровь выпить решил? Прибью на месте!

В темных глазах ребенка, до этого застывших и пустых, промелькнула едва заметная тень. Но лишь на миг — стоило мужчине взглянуть на него, как взор мальчика снова стал отрешенным.

Издевательства прекратились только к ужину.

Мужчина сплюнул на землю, брезгливо вытер руки о штаны и скрылся в доме.

— Опять этот алкаш сына колотит. Как проиграется в карты, так на малом и отыгрывается...

— Бедный ребенок. Се Аньхэн его зовут, кажется? Эх, сирота при живом отце — хуже сорной травы.

— Да и мамаша его хороша была, потаскуха обычная.

— Тише ты! Услышит этот пьянчуга — и нам достанется.

— Идем скорее, не наше это дело.

Маленький Се Аньхэн словно и не слышал доносившихся шепотков.

С трудом переведя дыхание, он поднялся на ноги. Мальчик стряхнул мелкие камешки, впившиеся в ободранные ладони, и небрежно вытер кровь о подкладку форменной куртки.

Он разжал другую руку. На грязной ладони лежал маленький канцелярский нож.

Ребенок давно перестал надеяться на чудо или чье-то сострадание. Это лезвие оставалось его последним, самым тайным оружием.

Маленький Се Аньхэн уставился на дверь, за которой скрылся отец. В глубине его черных, как бездна, глаз закипала глухая, темная ярость.

Спустя минуту он опустил голову и, прихрамывая, скрылся в густых сумерках.

Гостевой дом Фусинь, второй этаж

Перед сумерками

— Кха... Кхэ-кхэ! Кхо-о...

Из ванной донесся надрывный, мучительный кашель, переходящий в судорожные рвотные позывы. Казалось, человека сейчас наизнанку вывернет.

Мужчина в строгом дорогом костюме тяжело опирался обеими руками о края раковины. Его плечи содрогались, а со лба, скрытого взмокшей челкой, капал холодный пот.

Спустя долгие минуты приступ наконец отступил. Мужчина судорожно выдохнул и поднял взгляд на зеркало.

Се Аньхэн застыл, пораженный увиденным.

Отражение в стекле принадлежало чужаку.

Сходство с его собственным лицом угадывалось — процентов на семьдесят, не больше, — но дьявол кроется в деталях. И главное отличие бросалось в глаза сразу: радужка была светлой, почти прозрачной, будто две стекляшки.

У самого же Се Аньхэна глаза всегда были угольно-черными, бездонными.

Он рванулся к крану и плеснул в лицо ледяной водой, надеясь прогнать наваждение. Но стоило вытереть глаза, как морок не рассеялся — мир вокруг остался прежним.

Чужое тело. Незнакомая комната.

Преодолевая раскалывающую голову боль, Се Аньхэн оперся о дверной косяк и попытался выйти наружу. Но стоило сделать шаг, как колени подогнулись, и он мешком рухнул на пол.

— Черт...

Падая, он инстинктивно выставил руку вперед и напоролся ладонью на острый угол прикроватной тумбочки. Из глубокого пореза тут же толчками хлынула темная кровь.

Кое-как размазав кровь по рукаву, он с трудом поднялся на ноги. Взгляд упал на виновника его падения — под ногами валялся маленький пластиковый флакон.

Пузырек из-под снотворного. Совершенно пустой.

Часть таблеток раскатилась по паркету, но львиная доля, судя по всему, уже растворилась в его желудке.

Сознание плыло, виски сдавило железными тисками. Се Аньхэн бессильно опустился на край кровати, пытаясь собрать воедино разлетающиеся осколки воспоминаний.

Буквально четверть часа назад он находился на строительной площадке — инспектировал один из объектов в рамках масштабного проекта по расселению трущоб. Раздался оглушительный скрежет, перекрытия старого здания начали рушиться. Он стоял прямо у несущей колонны, когда огромный бетонный обломок рухнул прямо на него. Тьма наступила мгновенно.

А пришел в себя уже здесь.

Се Аньхэн повертел в пальцах пустой флакон и аккуратно поставил его на тумбочку.

«Все указывало на то, что прежний владелец этого тела добровольно ушел из жизни»

Ситуация граничила с безумием, но на глубокие размышления времени не оставалось. После жестокого приступа рвоты горло немилосердно жгло, во рту пересохло, а тело требовало чистой воды и лекарств.

Кое-как совладав с дрожью в руках, Се Аньхэн обыскал карманы пиджака. Обнаружив кожаное портмоне с документами и деньгами, он сунул его в карман и вышел в коридор.

На улице его ослепило яркое предзакатное солнце. Прикрыв ладонью глаза от резкого света, он огляделся по сторонам — перед ним раскинулся узкий, грязный переулок.

Это место он знал до последнего камня. Здесь, среди облупившихся стен и зловонных подворотен, прошли первые тринадцать лет его жизни.

Воспоминания — мрачные, удушливые, полные боли и унижения — лавиной хлынули в сознание.

Се Аньхэн нахмурился. Что-то во всем этом казалось глубоко неправильным.

Ноги сами привели его к угловой аптеке. Сняв с полок перевязочный материал, антисептики и сорбенты, он направился к кассе.

Близился конец школьных занятий. В аптеке скопилась небольшая очередь из родителей, ожидавших своих чад и лениво переговаривавшихся со старым фармацевтом. Се Аньхэн молча пристроился в хвост.

— Слыхали, вчера малого опять охаживали? — вполоборота прошептал лысеющий мужчина впереди.

Стоявшая рядом женщина со вздохом закивала:

— Да кто ж не слышал? Старый пьянчуга так орал, что даже при закрытых окнах на всю улицу разносилось.

— Я мимо проходил, заглянул во двор, — подхватил еще один сосед. — Да там не просто побои, он его чуть живьем не закопал. Ногами забивал. А пацан — кремень, хоть бы пискнул. Другой бы уже всю округу криком поднял.

— Несчастная сиротка...

С каждым словом внутри Се Аньхэна крепла глухая тревога. Он внимательнее присмотрелся к говорящим.

Лица этих людей были ему знакомы. Это были соседи из его детства. Но все они выглядели... пугающе молодо.

Сердце пропустило удар. Се Аньхэн резко перевел взгляд на настольный календарь у кассы.

Черные типографские цифры безжалостно гласили: 27 мая 2011 года.

Десять лет назад!

— Молодой человек, вы братъ будете? — хозяин аптеки нетерпеливо постучал пальцами по стеклу витрины. — Или нужно что-то еще? Спросите, я принесу.

— Нет, спасибо, только это, — Се Аньхэн подавил нахлынувшее оцепенение и ровным голосом попросил рассчитать его, выкладывая покупки на прилавок.

— Сейчас оформим.

Пока кассир пробивал товар, в голове Се Аньхэна бешено крутились обрывки чужого разговора. Безумная, дикая догадка обожгла разум.

Он обернулся к сплетничавшим покупателям:

— Извините, вы сейчас говорили о мальчике... Его зовут Се Аньхэн?

— Ну да, Се Аньхэн, — удивленно ответила женщина, но тут же смирла незнакомца настороженным взглядом. — А вам зачем? Вы не из наших мест. Кем ему приходится?

Се Аньхэн мягко, обезоруживающе улыбнулся:

— Мой младший брат учится в школе напротив. Как-то упоминал это имя дома, вот я и запомнил.

— А-а, вон оно что, — женщина немного расслабилась, хотя ее взгляд все еще задерживался на его безупречном дорогом костюме и швейцарских часах, совершенно не вписывавшихся в убогий пейзаж трущоб. — Что и говорить, малец натерпелся.

Один из мужчин хмыкнул, обращаясь к аптекарю:

— Слышь, старый Чэнь, если тебе его так жалко, отсыпь пацану бинтов да мази какой. Тебе что, убудет?

— Разинул рот! — огрызнулась жена аптекаря на соседа. — Мои деньги, по-твоему, из воздуха берутся? Раз такой добрый, сам купи да отнеси!

Второй мужчина поспешил утихомирить спорщиков:

— Да ладно вам, старый Чэнь просто пошутил. Но вообще, связываться с этой семейкой себе дороже. Жалко-то жалко, а начнешь помогать — повадится ходить, потом не отвяжешься. Проблем не наберешься с его папашей.

Хозяйка аптеки на мгновение замолчала, а затем хмуро добавила:

— Сама понимаю. Я и своим оболтусам строго-настрого запретила к нему приближаться. Не хватало еще, чтобы они с сыном алкоголика якшались.

— И то верно.

С улицы донесся пронзительный школьный звонок.

— О, отпустили! Пошли быстрее, а то в этой толпе детей не найдешь.

Очередь мгновенно рассеялась. Родители заспешили к воротам школы.

В опустевшей аптеке остался лишь Се Аньхэн и старый хозяин за прилавком. Подвинув пакет с лекарствами, старик заметил разводы засохшей крови на рукаве и бледность молодого человека.

— Послушайте, молодой человек, — негромко произнес он. — С такими ранами шутки плохи. Обычным йодом тут не спасешься, дошли бы вы лучше до больницы.

— Спасибо за совет. Я обязательно зайду к врачу, как только закончу дела, — ответил Се Аньхэн, забирая пакет.

Слова соседей разбередили старые раны. Прошрое, которое он так долго пытался вычеркнуть из жизни, теперь стояло перед глазами во всей своей неприглядной наготе.

Он бросил взгляд через дорогу, на выбегающую из ворот детвору, и снова повернулся к прилавку:

— Будьте добры, добавьте еще одну бутылочку йода, пару пачек стерильных салфеток и обезболивающий спрей.

Спустя пару минут Се Аньхэн вышел на улицу. Оглядывая бурлящее море школьников и их родителей, он настойчиво искал глазами одного-единственного ребенка. Наконец, у самого края дороги он заметил маленькую, сгорбленную фигурку.

Школьная куртка самого маленького размера висела на нем мешком. Мальчик шел, низко опустив голову. На худой шее и запястьях темнели свежие багровые кровоподтеки. Ребятня бесцеремонно толкала его, а он лишь молча сносил удары локтями, тяжело волоча поврежденную ногу.

У Се Аньхэна сжалось сердце. Крепче перехватив пакет, он решительно шагнул в гущу толпы.

Маленький Се Аньхэн плелся позади всех, преодолевая тупую боль в лодыжке. Отец пнул его туда вчера вечером; за ночь сустав опух так, что каждый шаг отдавался в голове тысячей раскаленных игл.

— Эй, отойди от него, — донесся до него приглушенный шепот со стороны. Мальчишка постарше бесцеремонно оттащил за рукав свою одноклассницу. — У него отец сумасшедший, дерется со всеми. Рядом постоишь — и тебе прилетит.

Девочка с жалостью оглянулась на хромающего одноклассника:

— Да у него вся нога в крови... У меня в рюкзаке пластырь есть, хотела отдать.

— С ума сошла?! — округлил глаза приятель. — Даже не думай! Мать узнает — шкуру спустит.

— Это еще почему?

— Малолетняя еще, не понимаешь. Моя мама говорит, что к нему вообще подходить нельзя. Прилипнет какая-нибудь зараза, потом не отмоешься.

— Ну и жуть ты рассказываешь...

Маленький Се Аньхэн не обернулся. Он лишь привычным движением поправил лямку старого рюкзака и, стиснув зубы, попытался ускориться, чтобы смешаться с толпой.

Если уйти дальше, голоса затихнут. Если не слушать, то и больно не будет.

Людской поток нес его мимо витрин той самой аптеки. На мгновение он поднял глаза и

установился на стеклянный прилавок, за которым лежали простые тканевые пластыри.

Он проходил здесь каждый день. И каждый день провожал их тоскливым взглядом. Только взглядом.

О дорогой мази он и не мечтал, но этот несчастный рулончик стоил всего один юань...

Пальцы коснулись дна кармана, нащупав единственную монету в пять мао — вчера отец обронил ее на пол после очередной попойки.

Не хватает половины.

Глухая затея.

Маленький Се Аньхэн облизал запекшиеся губы, прогоняя навязчивые мысли, и понуро опустил голову.

— Эй, малец, не стой на дороге! Проходи давай! — недовольно прикрикнул сзади спешащий мужчина и грубо толкнул его в плечо.

Нога тут же подвела мальчика. Потеряв равновесие от резкого толчка, он покачнулся и начал заваливаться на асфальт — прямо под ноги спешащим прохожим.

Но падения не случилось. Кто-то сильный и надежный подхватил его под мышки, не дав коснуться земли.

У спасителя была мягкая, приятная на ощупь одежда, а в воздухе повеяло едва уловимым ароматом дорогих лекарств и чистоты.

Но не успел ребенок сообразить, что произошло, как почувствовал резкий рывок со стороны спины. Раздался характерный треск расходящейся молнии рюкзака.

Его грабят!

«Вор! В рюкзак залез вор!»

Забыв обо всем на свете, маленький Се Аньхэн рванулся в сторону, выпутался из чужих рук и, отбежав к стене дома, судорожно скинул ранец с плеч.

Дрожащие пальцы нырнули в распахнутое нутро старого портфеля и наткнулись на что-то холодное и гладкое.

Он широко раскрыл рюкзак и замер.

Внутри лежал новенький флакон обезболивающего спрея, бутылочка с йодом и две аккуратные упаковки ватных дисков.

Сердце бешено заколотилось в груди. Мальчик резко обернулся, оглядывая пеструю толпу.

Но улица жила своей обычной жизнью. Прохожие спешили мимо, и лишь тяжелый, знойный воздух доносил до него запахи дорожной пыли, пота и дешевой уличной еды.

<http://bllate.org/book/20111/1993314>